

- ³⁰ Полоскова Т.В. Диаспоры в системе международных связей: дисс. ... доктора политических наук. Москва, 2000.
- ³¹ Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независимая газета. 2005. 23 ноября.
- ³² Brubaker R. Accidental diasporas and external «homelands» in Central and Eastern Europe: Past a. present. Wien., 2000. P. 19.
- ³³ Cohen R. Global diasporas: An introduction // Global diasporas /Ed. by R. Cohen. Second edition. N. Y., 2008. P. 31.
- ³⁴ Armstrong J.A. Mobilized and proletarian diasporas // American political science review. Washington, 1976. Vol. 70. № 2. P. 393.
- ³⁵ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. М., 2003. № 1. С. 165.
- ³⁶ Попков В.Д. Некоторые основания для типологии диаспор // Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/library?e=d-000-00-0kongress>. Дата обращения: 12.01. 2011.
- ³⁷ Милитарев А.Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. М., 1999. № 1. С. 24.
- ³⁸ Тоценко Ж.Т., Чантыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. М., 1996. № 12. С. 33–42.
- ³⁹ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 435.
- ⁴⁰ Семенов Ю. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. М., 2000. № 2. С. 64–74.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Ким А.С. Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект): Автореф. дисс. на соискание ученой степени д. полит. н. СПб., 2009.
- ⁴⁴ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. М., 2003. № 1. С. 170.

А.А. Гафаров

**«ИЗДЕРЖКИ» РОССИЙСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОК
(в трудах отечественных исследователей
второй половины XIX века)**

Бурная интеграция исламского мира в общемировые процессы, начавшаяся на рубеже XVIII–XIX веков, привела к вовлечению мусульманских стран в структуру международных политических и экономических связей, прогрессу научного мировоззрения и светского образования, привнесению новых технологий, а также элементов европейской культуры. За сто лет в жизни мусульман произошли столь существенные перемены, едва ли не сопоставимые со всем тысячелетним периодом предыдущего развития. Однако, колонизация наряду с прочими выгодами европейской цивилизации несла в жизнь покоренных народов массу негативных моментов, разрушающих основы их духовного, социокультурного строя.

***

По мнению Н.М. Ядринцева, «вторжение русских в Азию уничтожает прежние связи и отношения, повсюду происходит передвижение и разряжение сил, которое сопровождается разложением и катастрофами»¹. «Изддержки» этого движения вызвали опасения даже у явных апологетов российского колониализма. Н.И. Ильминский в 1887 г. озабоченно писал Победоносцеву: «Русские колонизаторы, на первых порах раскольники, наглые и злые, явились... с пренебрежением к инородцам... Со многих сторон приводилось мне слышать, что вообще великорусы — плохие колонизаторы: они всё норовят на даровое и на чужое, в религиозном отношении невежды, в нравственном — распущенные, в хозяй-

стве неряхи... Вообще у нас колонизация, особенно усилившаяся за последние годы, ведётся нехорошо. Это как бы огромный поток, с которого сняли плотину, и он понёсся неудержимо, всё затопляя и разрушая»².

«Сюда (на Восток — А.Г.), — продолжает Н.М. Ядринцев («Сибирь как колония», 1882), — бежали воры, грабители, разбойники и разные преступники»³, «у которых одно на уме, — по мнению Кастрена, — как бы хитростью и обманом притянуть к себе трудом и потом приобретенное имущество простодушного и доверчивого туземца. Такие поступки, правда, делают их счастливыми, но, вследствие этого, большая часть из этих искателей счастья стали нравственно портиться, погружаться в зверскую грубость»⁴. Борьба за колонизацию, — констатирует Ядринцев, — не могла не сделать «это население грубым и отсталым. Какими слабыми культурными и умственными средствами обладает русское население среди инородцев до настоящего времени — это видно из многих свидетельств путешественников и учёных»⁵. Русскую колонизацию на Восток сопровождали массовое спаивание аборигенов и распространение многочисленных болезней. Ужасающие картины деградации и вымирания коренных народов Сибири представили в своих трудах С.С. Шашков, Н.М. Ядринцев и др. Корреспондент журнала «Деятель», обсуждая тему пьянства среди башкир, откровенно признаёт: «В данном случае, мне думается, пьянство привилось к башкирам через общение последних с русскими»⁶. По отзыву ориенталиста, знатока казанского края О.С. Лебедевой, татары, соблазнённые в христианство, в большей степени занимаются пьянством и игрой, чем мусульмане⁷.

Пользуясь нищетой и неискушенностью местных жителей, колонизаторы за бесценок скупали обширные земли. Как пишет Шиле: «разные лица начали скупать у них (башкир — А.Г.) огромные пространства земли за самую дешёвую цену. Даже за последние годы (конец 70 гг. — А.Г.), башкирские земли покупались по полтине и по рублю за десятину, в то время, как даже годовая арендная плата была гораздо выше этой цены»⁸. Из Уфы сообщал «Голос» (1876), что некий Уткин приобретал в 1874 г. огромные территории в Бирском уезде по 12 коп за десятину. Подобные сделки, как отмечает автор, достигались подарками, спаиванием, угрозами и захватом территории сверх купленного⁹. Корреспондент «Казанского биржевого листка» в заметке «О покупке башкирских земель в Уфимской губернии» (1876) поясняет: «...башкиры весьма часто во многом терпели лишения, сумма назначенная им одновременно за всю землю, с первого взгляда, по всей вероятности, поразила их своей «громадностью»... они, ни мало не сопротивляясь, попали в эту приготовленную для них ловушку, не предвидя того позднего раскаяния или отчаяния, в каком находятся теперь»¹⁰. Не случайно Г.Н. Потанин в конце XIX в. называл башкир «вымирающим народом» и «угасающим племенем»¹¹.

Относительно сибирских татар Ядринцев также отмечает (1891), что инородцы «запродают» землю «за ничтожную сумму 2–3 рубля»¹². Впоследствии для облегчения движения переселенческому «поток» правительством были приняты законы, позволяющие отбирать у кочевников (на «законном» основании) «лишние» земли. Так, на казахских землях были поселены сибирские и оренбургские казаки. Казацким офицерам (хорунжиям и сотникам) нарезались участки (с правом продажи) по 600 десятин, а генералам и более¹³. В Семиречье в пользу казацких переселенцев насильно отбирались у киргизов орошенные земли; казакам

отводились огромные наделы до 100 десятин на мужскую душу. В результате их благосостояние держалось «не на труде и культурной работе, но на высокой норме земельных наделов», которые, по большей части, сдавались в аренду местному населению¹⁴. (Характерно при этом, что российским правительством не было проведено практически «никаких оросительных работ»; сделанные же попытки были весьма неудачны, причинили «огромный вред населению».)¹⁵ «Замечательную» оценку в статье «Азиатская культура и цивилизация» (1894) дал российской колонизации проф. А.Н. Краснов¹⁶: «Земледелец Европы и в особенности наш южнорусский мужик и барин, изгадив, обобрав, опустошив свой край, сами гнушаются созданной ими мерзости и в природе и в человеческих отношениях. И тогда мужики целыми толпами бессознательно, как стадо, бегут искать новых земель, нового поприща для разрушения и обирания, а барин едет за границу проживать награбленное у природы и людей богатство вдали от содеянного им преступления»¹⁷.

Кавказская война «изгнала и уничтожила горцев, в корень разрушила их культуру»¹⁸. По воспоминаниям публициста Я.В. Абрамова, «все три лета, которые я провёл здесь в Нальчике..., мне пришлось вволю насмотреться на то, с каким бесстыдством русские истребляли продукты кабардинской культуры и многолетнего труда». Богатейший край опустел, «хотя некогда прежде ... кормил очень и очень большое население». «Огромные пространства земли, прежде занятые горцами не вызывают даже ни в ком желания приобретения: так мало кажутся они пригодными для культуры», хотя цена на плоскости в некоторых местах и упала до 3 руб. за десятину¹⁹. В результате, как иронично заметил П. Цирюльников, колонистов вероятно «придётся переселять на новые места, покорив предварительно какого-либо супостата... ну хотя бы киргиза... Господи! Если хочешь испакостить своё творение — природу, отдай её русскому человеку, а уж он её «произведёт»²⁰. Переселенцы-казаки в Кубанской области получили по 30 десятин на мужскую душу, которые они, как правило, так и не смогли освоить. В телеграмме ингушского народа в Государственную Думу отмечалось, что в руки казаков перешло 2/3 всех земельных угодий. Избыток земли частью сдавался местным инородцам, частью просто зарастал лесом.

«Кавказская администрация ставила горцев в положение париев, смотрела на них как на низшую покорённую расу, как на «гололобых татар», «азиатов», ... с которыми позволительно какое угодно обращение. Такими же глазами смотрела на туземцев и главная масса русского населения, в лице казачества»²¹. Для них «туземец являлся не человеком, а так «тварью» какою-то, церемониться с которою решительно нет резона»; в результате утвердился «взгляд, что туземцы стоят вне закона и всякий самосуд против них возможен»²². В Местном обозрении «Среднеазиатского вестника» (1896) выражено откровенное кредо колонизатора: «всею в тридцать лет мы приучили полудикого азиатского туземца смотреть на нас как на распорядителей и строителей его судьбы... Мы для них высшая раса»²³.

Очевидно, что имперская психология проникла во все слои великоросского общества, став органичной частью менталитета, породив устойчивые стереотипы национального восприятия. Н.Миролюбов в фельетоне «Воскресные беседы» (1894) откровенно признаёт: «Вечно новой историей остаётся протест благомыслящих уважающих своё человеческое достоинство людей против неблагоприятной

черты в особенно сильной степени, к сожалению, присущей именно русскому народу, составляя один из его крупных недостатков. Это крупный недостаток, в числе целого ряда других, не раз подчёркивался иноземными писателями, повествовавшими о России не только в новейшие времена, но даже ещё в XVII и XVI столетиях. Этот недостаток — страсть русского человека издеваться над иноземцами и иноверцами, страсть, которой не чужды бывают и люди, мнящие себя «интеллигентами»²⁴.

О великоросском пренебрежении к инородцам сетует также последователь Ильминского Я.Д.Коблов: «В противоположность татарам, русские не стараются сблизиться с инородцами; проявляют к ним, но по большей части, прямо таки враждебное отношение, награждая их при всяком случае не особенно лестными названиями. Русский, например, не позволит своим детям играть с детьми чуваш и черемис, а поесть из их посуды — сохрани Бог; ибо из их посуды едят свиньи и собаки. Нередко от русских можно слышать об инородцах: «И что это за народ; у этих собак и особой банной посуды нет; из чего моются, из того и жрут. Тыфу. Давно бы их всех следовало в Сибирь сослать». К подобным издевательствам инородцы в значительной степени привыкли и притерпелись; но и о сближении их с русскими конечно, не может быть и речи». «Для осмеяния инородцев у русских существует очень много рассказов; например рассказ о происхождении чуваш из поганого теста, в котором копались собаки и свиньи; вотяков называют «саврасыми мышами», татар (безразлично крещённых и магометан) «собаками», черемис «черноногими баранами»²⁵. Н.И. Золотницкий²⁶ в своём докладе Совету Братства св. Гурия с грустью приводит весьма характерный эпизод: «Русский ямщик, с которым я ехал в той же местности, встретясь с длинной вереницею саней и, погоняя свою тройку, принялся хлестать плетью каждого из сидевших в санях, приговаривая: «держи собака, чувашская лопатка!» «Замечу, что многообразные обороты русского сквернословия, породившего поговорку, что «честной женщине можно спокойнее пройти мимо стада скотов, чем мимо толпы мужиков», сильнее всякой заразы прививаются к инородцам...»²⁷

«В значительной части нашего образованного или полуобразованного общества слышны нередко самые дикие и грубые мнения и выражения об инородцах», — писал Н.П. Остроумов. «Это совсем не по-христиански, да и большое заблуждение, великий предрассудок. Это решительно наше несчастье! Пора, давно пора понять, что начало разнообразия только пополняет и оплодотворяет начало единства: «каждую особенную народность жизни и слова, по прекрасному замечанию Средневского, — можно сравнить с особенным музыкальным тоном: каждая необходима, каждая самобытна, хотя и сливается с другим...»²⁸ «Вообще говоря, многие недостатки нашей образованности, нашей администрации, всей нашей полупраздной и сонной провинциальной жизни объясняются господствующим в провинции, да и в столичном обществе равнодушием, пренебрежением и невежеством, часто весьма не нравственным презрением к инородцам, среди коих живут русские образованные люди иногда целые десятки лет, не научась ни одному из этих языков, не ознакомившись с местным населением...»²⁹

В Средней Азии также «благочестие поколебалось»³⁰. (Как горестно сетовал поэт Абай Кунанбаев: «Забыты обычаи старых времён...», «степь полна вражды и воровства».)³¹ «Туземцы, сблизившиеся с русскими и научившиеся говорить

по-русски, усваивали преимущественно внешнюю сторону русской жизни, большею частью отрицательные стороны, научались вести легкомысленный образ жизни, пить вино и пиво; это относилось даже к учёным, представителям религии, как муфтий, впоследствии казий Саттар-хан»³². Туркестанский генерал-губернатор в докладной записке (1908) военному министру признавал: «...не следует забывать, что мы внесли в среду среднеазиатских народностей также и массу отрицательных сторон европейской культуры: пивные рестораны, опиокурильни, публичные дома, и проч. заведения расплодилось не только в городах, но и каждом мало-мальски большом городском селении. Туземная молодежь хлынула на эти приманки душевного и телесного разврата и к ужасу и горю стариков прославляет себя неслыханными нарушениями корана и законных вековых традиций Востока о благопристойности и воспитанности. Появились грабители, убийцы, явные развратники и хулиганы среди туземной молодёжи; с поразительной быстротой исчезает вера в бога, уважение к старшим и почёт к властям. Если подобный упадок нравственности будет сопровождаться и впредь, то трудно даже представить, во что обратятся последующие поколения туземцев. Теперешние старики, муллы, кази и старшины, с прискорбием взирая на такой упадок нравов, винят во всём русских, и вероятно, в сердцах многих из них, как у Мадали, Мин-Тюбинского ишана в 1898 году, не раз зарождались тайные желания так или иначе свергнуть иго «неверных урусов». Эту сторону местной туземной жизни также необходимо учитывать, ибо через неё может произойти вспышка серьёзного народного неудовольствия, глубокого по своим последствиям потому, что народ будет уверен в правоте своего дела»³³.

«К сожалению, предшествующая история оставила столько горьких воспоминаний, — резюмирует Ядринцев, — совершенно было столько ненужных жестокостей, а позднейшая эксплуатация инородцев и обирание их так опровергали всякие дружественные и братские чувства, что между русскими и инородческим населением находится доселе пропасть и полное недоверие со стороны народа»³⁴. Проводя аналогии с отношением европейских колонизаторов к американским индейцам, он отмечает, что «магометанское население» в результате не только не смогло сблизиться с русской общиной; «мало того, оно находится в антагонизме с русским населением на экономической почве за захваты угодий»³⁵. И хотя, сравнивая с Америкой, Ядринцев называет Сибирь «нашими Соединёнными Штатами», сравнение с Австралией и Америкой — не в пользу Сибири³⁶.

Примечания

¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 89.

² Ильминский Н.И. Письма Н.И. Ильминского обер-прокурору Константину Петровичу Победоносцеву. Казань, 1895. С. 220–221.

³ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 133. Только с 1823 по 1877 гг. в Сибирь было сослано 393914 преступников.

⁴ Цит. по: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 48.

⁵ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 47; Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. С. 168.

⁶ Башкиры и народные чайные // Деятель. 1900. № 8–9. С. 378.

⁷ Lebedeff, Olga. Abrege de l'histoire de Kazan, offert aux membres du XII-me Congres des orientalistes. Roma, 1899. P. 85–86.

⁸ Шиле. Башкиры. Этнографический очерк // Природа и люди. 1979. Март. С. 8.

⁹ Из Уфы // Голос. 1876. № 7. 7 января.

- ¹⁰ В.Г. О покупке башкирских земель в Уфимской губернии // Казанский биржевой листок. 1876. № 20. 7 марта.
- ¹¹ Потанин Гр. В юрте последнего киргизского царевича. (Из поездки в Кокчетавский уезд) // Русское богатство. 1896. № 8 (август). С. 80.
- ¹² Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы... С. 29.
- ¹³ Потанин Гр. В юрте последнего киргизского царевича... С. 80.
- ¹⁴ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 146, 147.
- ¹⁵ Там же. С. 149, 151.
- ¹⁶ Краснов А.Н. (1862–1914 гг.) русский ботаник и географ. Труды по истории растительности Средней Азии и степей Северного полушария. Основал Батумский ботанический сад.
- ¹⁷ Краснов А.Н. Азиатская культура и цивилизация // Книжки недели. СПб, 1894. июнь. С. 197.
- ¹⁸ Личков П.С. Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа. Киев, 1904. С. 5–6.
- ¹⁹ Абрамов А. Кавказские горцы // Дело. 1884. № 1 (январь). С. 70, 75, 78. В 1868 г. пришлось даже упразднить 12 станиц в Кубанской области «по крайнему неудобству относительно хозяйства, путей сообщения и отчасти климата», как сказано в официальном приказе. Земли, розданные в частную собственность, также остаются до сих пор совершенно пустыми и некультивированными» См.: там же. С. 70.
- ²⁰ Цирульников П. На старом пепелище черкесов абадзехов. Цит. по: Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. М., 1913. С. 28–29.
- ²¹ Ахмет Ц-ов. Русская бюрократия и кавказские горцы // Вестник Европы. 1909 Т.V. Кн. 9. С. 301–304. «Эти отношения не пережиток военного времени. Есть в России места, где военные отношения прекратились сотни лет назад, где ряд поколений вырос в мирной обстановке и где всё же, несмотря на это, сохранилась ненависть казаков к туземцам и наоборот». См.: Цаликов Ах. Кавказ и Поволжье... С. 92.
- ²² Абрамов А. Кавказские горцы... С. 79.
- ²³ Местное обозрение // Среднеазиатский вестник. 1896. Март. С. 64.
- ²⁴ Мирюлюбов Н. Воскресные беседы // Волжский вестник. 1894. № 206. 14 августа.
- ²⁵ Коблов Я.Д. О татаризации инородцев Приволжского края. Казань, 1910. С. 13, 14.
- ²⁶ Золотницкий Н.И. — инспектор чувашских школ в Казанском учебном округе.
- ²⁷ Доклад Совету Братства св. Гурия братчика Н. Золотницкого // Приложение к сборнику документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869. С. 40.
- ²⁸ Остроумов Н. Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Ч. I. Январь. С. 157.
- ²⁹ С.-Петербургские Ведомости. 1896. — № 64. 6 марта.
- ³⁰ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. С. 149.
- ³¹ Абай. «Свою судьбу от мира не таю...» Избранное. — Алматы, 1995. С. 50, 226.
- ³² Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана Л., 1927. С. 170.
- ³³ Цит. по: Гадузо П.Г. Туркестан-колония. Ташкент, 1935. С. 202.
- ³⁴ Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы... С. 203.
- ³⁵ Там же. С. 29.;
- ³⁶ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 95, 141, 433, 449.

Е.В. Колесова

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА КАЗАНСКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ МИССИОНЕРОВ В XIX ВЕКЕ

Распад СССР, обострение социально-политической ситуации и вспышки этнических и конфессиональных конфликтов на «постсоветском пространстве» в 1990–2000-е годы оживили интерес отечественных и зарубежных исследователей к истории формирования многонациональной, поликонфессиональной Российской империи и внутренней политике ее властей.

Приоритетным направлением для ученых стало изучение политики имперских властей в национально-религиозном вопросе, в частности, миссионерская